

ясность. Его сочинение „Tableau des révolutions de l'Europe“, изданное въ 1807 году, въ 3-хъ частяхъ, послужило важнѣйшимъ руководствомъ для уясненія исторіи среднихъ вѣковъ. Въ этомъ сочиненіи онъ, въ узкой рамкѣ, сумѣлъ заключить оживленное повѣствованіе всѣхъ важныхъ происшествій новой исторіи *).

Гор. Болховъ, Орловской губерніи.

Н. Варышкинъ.

О МѢСТѢ ДЛЯ ПАМЯТНИКА

А. С. ПУШКИНУ.

(письмо въ редакцію «Русской Старины»).

Въ приглашеніи отъ имени комитета для сооруженія памятника Пушкину, помѣщенномъ въ III-мъ томѣ „Русской Старины“, стр. 649, между прочимъ, говорится, что памятникъ предполагается, съ высочайшаго разрѣшенія, поставить въ Москвѣ, но „что касается до выбора въ Москвѣ самаго мѣста, гдѣ поставить памятникъ, то желательно, чтобъ вопросъ о томъ подвергся гласному обсужденію въ нашей печати“. По нашему мнѣнію, тѣмъ болѣе желательно было бы подвергнуть гласному обсужденію въ печати, въ какомъ именно городѣ слѣдовало бы поставить памятникъ Пушкину. Въ пользу постановки памятника въ Москвѣ „приглашеніе“ приводитъ слѣдующіе доводы: во 1) что будто бы тамъ, въ Москвѣ, мѣстѣ рожденія Пушкина, гдѣ этотъ памятникъ получитъ вполнѣ національное значеніе, по выраженію самого поэта, „къ нему незаростетъ народная тропа“.

Пушкинъ въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи „Я памятникъ себѣ воздвигъ...“ вовсе не имѣлъ въ виду одной только Москвы, да и не могъ имѣть, потому что онъ говоритъ о памятникѣ нерукотворномъ, т.е. о своихъ литературныхъ произведеніяхъ, рассчитывая на поклоненіе этому памятнику не только одной Москвы, или не только одной чистой, Святой-Московской-Руси, но и всѣхъ инородныхъ племенъ, которыя, подъ общимъ кровомъ Россіи и просвѣщенія, сольются въ одинъ народъ: „Слухъ обо мнѣ—говоритъ Пушкинъ въ томъ же стихотвореніи—пройдетъ по всей Руси великой...“

И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:

И гордый звукъ Славянъ, и Финнъ, и имнѣ дикой

Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.“

А вопросъ, кому болѣе принадлежитъ и предстоить въ будущемъ честь объединенія „великой Руси“ съ ея инородцами однимъ общимъ строемъ цивилизаціи: московскому ли періоду нашей исторіи или пе-

*) Сморг. Dictionnaire général de biographie et d'histoire par Ch. Dezobry et Th. Bachez, 1866. Н. В.

тербургскому, другими словами — Москвѣ или Петербургу, — едва ли можетъ быть рѣшено въ пользу Москвы.

И почему именно въ Москвѣ памятникъ получить вполнѣ національное значеніе? Развѣ Петербургъ не есть наша національная столица, не въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а въ обширномъ, въ какомъ и Пушкинъ былъ нашимъ національнымъ поэтомъ? Развѣ въ Петербургѣ не сосредоточивались всѣ умственные силы русскаго народа въ продолженіи болѣе полутора столѣтія? Гдѣ же — спрашивается — шире и просторнѣе будетъ тропа къ памятнику Пушкина, въ Москвѣ или Петербургѣ?

Что же касается до мѣсторожденія Пушкина въ Москвѣ, то это обстоятельство, по нашему крайнему разумнію, не должно имѣть никакого вѣса, какъ обстоятельство чисто случайное и неимѣющее за собою никакой внутренней исторической связи между Москвою и рожденіемъ въ ней Пушкина, какая, напр., существуетъ между Пушкинымъ и Петербургомъ, съ которымъ связаны и воспитаніе, и первое литературное развитіе, и поэзія, и даже смерть нашего поэта. Придавши же какую-нибудь силу обстоятельству мѣсторожденія мы должны, разсуждая послѣдовательно, желать также, чтобъ и памятникъ, напр., Ломоносову былъ поставленъ въ Денисовкѣ, Холмогорскаго уѣзда, Жуковскому — въ селѣ Мишенскомъ, Крылову — въ Уральскѣ (бывшей Яицк. крѣпости), и т. д. Однако же никто не находитъ неудобнымъ мѣсто сооруженія памятника въ Петербургѣ „дѣдушкѣ Крылову“, поэту болѣе національному въ смыслѣ чистой русской народности, чѣмъ самъ Пушкинъ. Нельзя указать даже мѣстныхъ причинъ, по которымъ слѣдовало бы поставить памятникъ Пушкину въ Москвѣ, которой онъ не принадлежалъ ни по своему воспитанію, ни по своимъ симпатіямъ, ни по своимъ литературнымъ идеямъ.

Въ пользу постановки памятника въ Москвѣ „приглашеніе“ — да-
лѣе — приводитъ сочувствіе къ ней „пѣвца Онѣгина“, выразившееся будто-бы въ извѣстномъ отрывкѣ изъ романа „Евгеній Онѣгинъ“:

Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ.
Москва! Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отзывалось!

Правда, этими словами Пушкинъ выразилъ чувство каждаго русскаго человѣка, у котораго съ Москвою связано столько историческихъ воспоминаній, начиная отъ Ивана Калиты вплоть до 1703 года; но тотъ же поэтъ въ другомъ мѣстѣ говорить:

И передъ младшею столицей
 Главой склонилася Москва,
 Какъ передъ новою царицей
 Порфирородная вдова.

Произнесъ ли эти слова Пушкинъ съ горестью, придавши имъ только смыслъ непобѣдимой силы историческихъ обстоятельствъ, — или поэтъ самъ былъ на сторонѣ „младшей столицы“, отвѣтомъ на это могутъ служить слѣдующія затѣмъ строки: „Люблю тебя, Петра творенье“, и т. д., заключающіяся слѣдующими высоко-поэтическими и глубоко-прочувствованными словами:

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
 Неколебимо, какъ Россія.
 Да умирится же съ тобою
 И побѣжденная стѣхія.
 Вражду и плѣнь старинный свой
 Пусть волны финскія забудутъ
 И тщетной злобою не будутъ
 Тревожить вѣчный сонъ Петра.

Когда Пушкину былъ воспрещенъ вѣздъ въ обѣ столицы, онъ, какъ извѣстно, прожилъ два года въ своемъ родовомъ имѣннѣ Михайловскомъ, гдѣ, по выраженію его самого, часто сживалъ надъ озеромъ и глядѣлъ.

Вспоминая съ грустью
 Иныя берега, иныя волны.

Неужели еще можно сомнѣваться, какіе именно берега и волны вспоминалъ Пушкинъ: берега ли Москвы рѣки или берега Невы и волны Финскаго залива?

Чтобы приведенныя слова „пѣвца Онѣгина“ о Москвѣ не вводили насъ далѣе въ заблужденіе объ отношеніяхъ нашего поэта къ древней столицѣ, припомнимъ, что пѣвецъ Онѣгина самъ назвалъ своего героя „Москвичомъ въ Гарольдовомъ плащѣ“, и этими словами какъ нельзя болѣе удачно выразилъ всю неуклюжесть, нелѣпность, всю невозможность органическаго сочетанія добродушной, хлѣбосольной матушки - Москвы съ чертами и свойствами байроновскаго типа, вліяніе котораго между тѣмъ отражалось и на личности, и на произведеніяхъ самого Пушкина въ періодъ времени, начиная съ такъ-наз. лицейскихъ его стихотвореній до послѣднихъ главъ Евг. Онѣгина. Слѣдовательно, на вышеупомянутый отрывокъ о Москвѣ мы не должны смотрѣть иначе, какъ только на эпически-художественное воспроизведеніе чувствъ каждаго русскаго патріота, но ничуть какъ на личныя симпатіи самого поэта, которыя были на сторонѣ Петербурга. Соображая всѣ изложенныя нами обстоятельства, невольно приходитъ въ голову, — не относится ли выборъ города для памятника Пушкину къ

„затѣямъ матушки-Москвы“, о которыхъ съ такою игривою ироніею отзывался нашъ бессмертный поэтъ?

Мы бы могли привести множество еще другихъ основаній, но полагаемъ, что достаточно и приведенныхъ, въ доказательство симпатій Пушкина къ Петербургу.

Но не одними только личными симпатіями можно и должно руководствоваться при выборѣ города для постановки памятника литературному дѣятелю. Гораздо убѣдительнѣе въ этомъ случаѣ говорить самый характеръ его литературной дѣятельности. Развѣ Пушкинъ не былъ—посредствомъ Карамзина—прямымъ преемникомъ Ломоносова, который и самъ былъ произведеніемъ тѣхъ же историческихъ судебъ, какія воздвигли и Петербургъ, т.-е. преобразованій Петра Великаго? Ломоносовъ первый началъ сближеніе нашей литературы съ европейскою; онъ первый положилъ камень зданію. Пушкинъ докончилъ его. Произведенія Пушкина сдѣлали современную ему западно-европейскую литературу вполне достояніемъ нашей собственной, и въ свою очередь сдѣлались достояніемъ европейской. Слѣдовательно, въ лицѣ Пушкина мы, русскіе, если не стали въ уровень, то по крайней мѣрѣ догнали западную цивилизацію, предоставляя будущему слѣдовать далѣе и даже стать съ нею въ уровень. Спрашивается, въ какомъ же городѣ приличнѣе поставить памятникъ великому русскому поэту, какъ не въ томъ, который съ этою именно цѣлью былъ заложенъ великимъ русскимъ Преобразователемъ?

Высказавъ наше мнѣніе въ пользу сооруженія памятника Пушкину въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ, мы съ своей стороны отъ всей души желали бы видѣть въ печати вполне и окончательно высказанными всѣ тѣ доводы и основанія, которыми, помимо уже заявленныхъ, руководствуется комитетъ, избирая мѣстомъ для памятника Москву, а не Петербургъ.

Симферополь, 1871 г.

Ф. Шатовъ.

Р. С. Когда настоящее письмо было уже написано, мы прочли въ „Петерб. Вѣдом.“ статью господина де-Пуле о памятникѣ Пушкину, въ которой высказаны и развиты въ сущности тѣ же самыя мысли; но мы не остановились отсылкою этого письма: пусть оно будетъ еще голосомъ—и, вѣрьте, голосомъ не одного только лица, а довольно многочисленнаго кружка—одного изъ угловъ Россіи, кружка, который весьма близко принимаетъ къ сердцу такое обще-русское дѣло, какъ сооруженіе памятника Пушкину.

Ф. Ш-